

Корни и плоды

ПОВѢСТИ ДЛЯ ДѢТЕЙ СТАРШАГО ВОЗРАСТА

Съ рисунками въ текстъ П.Захарова

ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ

ИЗДАНИЕ
поставщиковъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
Товарищества М.О.Вольфъ
С.-Петербургъ

Чистяков М.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРИКЛЮЧЕНИЯ БЪДНОГО МАЛЬЧИКА.....	3
ДЪДУШКА И ВНУКЪ.....	50
МИТЯ КАРВУТЬ.....	54
БЪДА В ЖАРКОЙ ПУСТЫНЕ	89
ПЕРЕСАЖЕННЫЙ ЦВЪТОКЪ.....	92
МОЛОДОЙ ФРИЗЪ.....	93
СОЛОВЕЙ НА ВОЛЪ И ВЪ КЛЪТКЪ.....	136

ПРИКЛЮЧЕНИЯ БѢДНОГО МАЛЬЧИКА

БЫЛА свѣтлая и теплая весна. Рано изъ теплыхъ краевъ слетались перелетныя птицы: жаворонки, пѣночки, чижи, щеглы, соловьи, перепела, кулики, дикія утки, гуси, лебеди и множество другихъ. Всѣ деревья покрылись листьями; а нѣкоторыя уже и одѣлись цвѣтомъ. Прежнихъ мѣстъ, которыя осенью и зимой были пусты и унылы, теперъ не узнавшъ. Вездѣ такая красота, такая радость!

Въ одной деревнѣ, въ маленькомъ садикѣ на соломѣ, подъ яблонью, лежалъ человекъ. Онъ былъ еще не очень старъ, но лицо его было блѣдно, покрыто глубокими морщинами и уныло.

При первомъ взглядѣ на него, можно было видѣть, что онъ давно боленъ, и на душѣ у него тяжело.

Вмѣсто подушки, подъ головой у него лежала охапка сѣна; простыней ему служило толстое, дурно выбѣленное полотно; полинялое набойчатое одѣяло было потерто и во многихъ мѣстахъ покрыто заплатами.

У изголовья его, на обрубкѣ дерева, стоялъ глиняный кувшинъ съ водою, покрытый двумя широкими листьями хрѣна; на деревянной тарелкѣ лежалъ ломоть чернаго хлѣба съ солью.

Очевидно, большой бѣднякъ былъ этотъ человекъ. И какъ ему быть богатымъ? Онъ былъ сельскій дьячекъ, или, какъ онъ подписывался на бумагахъ, — причетникъ.

Жена его пересаживала деревья, кусты малины, смородины и крыжовника. Сынъ его, мальчикъ лѣтъ двѣнадцати, обрѣзывалъ сухія вѣтви, собиралъ тѣ, который обвалились сами, сносилъ ихъ охапками къ завалинѣ избы и ровно складывалъ въ кучи для топлива.

Женщина работала торопливо: у нея было еще много дѣла впереди. Она не говорила ни слова, не всегда слышала, о чемъ лепеталъ и спрашивалъ ее ребенокъ, и безпрестанно вздыхала, какъ будто камень лежалъ у нея на груди. Больной съ участіемъ и сожалѣніемъ часто взглядывалъ на нее и на сына тоскливыми глазами.

Легкій вѣтерокъ, пробѣгая по деревьямъ, осыпалъ его бѣленькими и красненькими цвѣтками душистыхъ яблонь и доносилъ до него густой запахъ и желтовато-серебристую пыль съ рябинъ, которыя зеленою стѣною шли вокругъ тына.

— Господи! — сказалъ про себя больной, — какая благодать кругомъ! А мнѣ и цвѣты, и тепло, и сладкій запахъ не въ радость. Можетъ, и на Божій свѣтъ не

Въ маленькомъ садикѣ подъ яблоней лежалъ человекъ...

долго смотрѣть, и навѣки разстаться съ своими придется! И останутся они, горемычные, одни... безпріютными сиротами... Садикъ, гдѣ теперь работаетъ моя жена съ моимъ ребенкомъ, достанется чужимъ людямъ; въ теперешней моей избѣ имъ не будетъ даже угла, чтобы приклонить голову. Ахъ, доля, доля, горькая доля! Зачѣмъ бы такимъ бѣднякамъ ужъ и на свѣтъ родиться!

Онъ помолчалъ, подумалъ немного, собрался съ мыслями, ободрился и продолжалъ:

— Впрочемъ, знать, отъ болѣзни глупъ я сталъ и малодушенъ; зачѣмъ я ропщу? Да будетъ во всемъ святая воля Божія! Иовъ больше страдалъ. Богъ не покинетъ сиротъ; да и добрые люди еще не перевелись на свѣтѣ; земля не вся заросла полынью...

Сказавъ это, онъ хотѣлъ перекреститься, но не могъ поднять руки. Ему сдѣлалось неловко лежать, онъ хотѣлъ перевернуться и не былъ въ состояніи; попробовалъ было позвать своихъ, но голосъ у него былъ такой слабый, такой глухой, что его не услышали бы и въ двухъ шагахъ.

— Какой же я сталъ дрянной! — сказалъ онъ. — грустно улыбаясь и почти съ завистью смотря на пѣночку, которая, сидя на вѣткѣ, прямо передъ нимъ, звонко щебетала, пѣла безъ умолку и, казалось, не могла вдоволь напѣться про свою весеннюю радость.

Мать точно будто мыслями отгадала, что ей надобно пойти къ больному, посадила яблонь, засыпала корни ея землей, притоптала, крикнула сына и пошла къ бѣдному мужу.

— Что, не хуже-ль тебѣ? — спросила она.

— Нѣтъ, не хуже, только грустно что-то. Они замолкли. Было что-то ужасно тяжелое, гнетущее душу въ этомъ молчаньѣ. Эти трое бѣдняковъ съ блѣдными, испытанными лицами, понуренными головами, казалось, отнимали всю прелесть у свѣта солнца, всю силу жизни у земли, всю нѣгу у запаха цвѣтовъ.

Дьячекъ, наконецъ, сказалъ сыну: